

А.В. Шубин¹
A. Shubin

ПОЧЕМУ ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЛИКОЙ

WHY THE SPANISH REVOLUTION IS GREAT

Аннотация: По мнению автора революция в Испании 1931-1939 гг. может быть отнесена к числу «великих революций» наряду с Великой французской и Великой российской революциями. Эта характеристика применяется не оценочно, а как характеризующая глубину и воздействие на мировые процессы. Автор показывает, что революция в Испании достигла в 1936-1937 гг. максимальной для XX века социальной глубины, распространив демократию на сферу производства, что стало беспрецедентным явлением. Автор полемизирует с теми историками, которые видят в синдикалистских социальных преобразованиях причину развала промышленности испанской республики, приводит статистические и архивные данные, которые опровергают этот миф и показывают, что сектор производственной демократии способствовал росту производства вооружений и поддержанию производства продукции. Великой делает эту революцию и международное значение событий в Испании, которые стали первой крупной битвой с фашизмом, началом эпопеи, которая закончилась разгромом фашизма в 1945 г. – хотя и не в Испании. Полемизируя с отечественными и испанскими историками, автор останавливается на соотношении внутренних и внешних

¹ **Шубин Александр Владленович** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; **Alexander Shubin** – Doctor of Historical Sciences, Chief Research Fellow of the Institute of World History of the Russian Academy of Science; <https://orcid.org/0000-0001-9935-4682>; e-mail: historian905@gmail.com;

факторов в ходе войны, предоставляет фактические данные о размерах советской военной помощи и ее динамике, что позволяет оценить ее значение в борьбе в Испании и вес событий в Испании для предвоенной ситуации. В силу глубины и международного значения революция 1931-1939 гг. занимает весомое место в истории не только Испании и Европы, но и мира, ее уроки сохраняют значение и для XXI века.

Ключевые слова: Великая испанская революция, гражданская война и интервенция в Испании, анархо-синдикализм, советская военная помощь, Ларго Кабальеро, Негрин, Сталин, Антонов-Овсенко

Abstract: According to the author, the revolution in Spain of 1931-1939 can be attributed to the number of "great revolutions" along with the Great French and Great Russian Revolutions. This characteristic is not applied evaluatively, but as characterizing the depth and impact on world processes. The author shows that the revolution in Spain in 1936-1937 reached the maximum social depth for the twentieth century, extending democracy to the sphere of production, which became an unprecedented phenomenon. The author polemizes with those historians who see syndicalist social transformations as the reason for the collapse of the industry of the Spanish Republic. The author cites statistical and archival data that refute this myth and show that the industrial democracy sector contributed to the growth of arms production and the maintenance of production. What makes this revolution great is also the international significance of the events in Spain, which became the first major battle with fascism, the beginning of an epic that ended with the defeat of fascism in 1945 - although not in Spain. Arguing with Russian and Spanish historians, the author dwells on the ratio of internal and external factors during the war, provides factual data on the size of Soviet military aid and its dynamics, which allows us to assess its significance in the struggle in Spain and the weight of events in Spain for the pre-war situation. Due to its depth and international significance, the revolution of 1931-1939 occupies a significant place in the history of not only Spain and Europe, but also the world, its lessons remain important for the XXI century.

Keywords: The Great Spanish Revolution, Civil War and intervention in Spain, anarcho-syndicalism, Soviet military aid, Largo Caballero, Negrin, Stalin, Antonov-Ovseenko.

В 30-е годы в Испании произошла революция (часть которой более известна как гражданская война в Испании), которую можно отнести к числу «великих революций». Слово «великая», так же как и в случаях с французской и российской революциями, употребляется здесь не оценочно, а как характеризующее глубину и воздействие на мировые процессы. С этой точки зрения революция в Испании достигла в 1936-1937 гг. максимальной для XX века социальной глубины, распространив демократию на сферу производства, что стало беспрецедентным явлением. Великой делает эту революцию и международное значение событий в Испании, которые стали первой крупной битвой с фашизмом, началом эпопеи, которая закончилась разгромом фашизма в 1945 г. – хотя и не в Испании. Но после 1945 г. и испанский фалангистский режим в соответствии с вектором новой эпохи стал отходить от тоталитарной фашистской идеологии к более мягким авторитарно-консервативным формам. В силу глубины и международного значения революция 1931-1939 гг. занимает весомое место в истории не только Испании и Европы, но и мира.

Революция наибольшей глубины

Великая испанская революция стала результатом резонанса нескольких глубинных социальных конфликтов: противоборства «двух Испаний» - консервативной религиозной и светской прогрессивной; противоречий перехода от аграрного общества к индустриальному; выбора стратегий перехода к социальному государству в условиях начавшейся Великой депрессии. Это наложение привело к формированию усложненного идеологического спектра от анархистов до фашистов. Либеральный центр в этих условиях размывался и пользовался все меньшей поддержкой².

Ситуация в Испании зависела и от мировых процессов: Великой депрессии, борьбы между фашистами и

² Подробнее см.: Шубин, 2020. С. 5-20, 34-68.

коммунистами. Большое значение в испанских условиях имела политика Народного фронта, инициированная Коминтерном³. Она предоставила организационную форму для консолидации левых сил и способствовала переходу КПИ на умеренные позиции. Однако победа Народного фронта на выборах была в значительной степени обеспечена поддержкой анархо-синдикалистов⁴. Бурное развитие анархизма, особенно анархо-синдикализма, стало существенной особенностью Великой испанской революции даже в сравнении с Великой российской и Мексиканской революциями, где анархизм тоже играл важную роль.

В силу крайнего разнообразия идеологических тенденций Испания стала своеобразным социальным «полигоном», где самые разные концепции могли на практике проверить свои идеи. Уже поэтому к Испании было приковано внимание идеологов, общественности и политиков всего мира.

Старт Гражданской войны, всеобщее вооружение активных граждан в республике, привели к началу уже не просто социально-политической, а глубокой социальной революции – качественных изменений системы собственности и власти. В результате проведения индустриальной коллективизации (инкаутации, социализации) в Испании, прежде всего в Каталонии и Арагоне, возник новый сектор экономики, качественно отличавшийся как от капиталистического, так и от государственного – прежде всего развитой системой производственной демократии, участия труженика в принятии производственных решений. Отрицательное отношение анархистской доктрины к «демократии» как многопартийной парламентской системе не помешало анархо-синдикалистам распространить демократию на сферу производства. Опираясь на профсоюзные структуры, анархо-синдикалисты и левые социалисты сделали практический шаг к ликвидации отчуждения производителя от средств производства. Но это был только шаг.

³ Подробнее см.: Шубин, 2017. С. 86-96, 106-124.

⁴ Подробнее см.: Шубин, 2020. С. 93-95.

На место диктатуры менеджера пришла власть коллектива в лице его актива (прежде всего профсоюзных вожakov из структуры НКТ) и почти религиозное воздействие анархистских лозунгов, противодействие которым могло рассматриваться как контрреволюция. Однако влияние идеологии, разделявшей значительной массой рабочих, играло мобилизующую роль, в том числе на производстве. Анархо-синдикалистам и левым социалистам удалось создать относительно эффективную и относительно демократическую социальную систему (насколько это возможно в условиях гражданской войны), основанную на производственной демократии⁵.

Историк А. А. Сагамонян отрицает эффективность синдикалистской экономики априори, ибо она «исключает такой критерий, как эффективность», не является «моделью развития» и обречена на проедание основного капитала⁶. Однако в доказательство А. А. Сагамонян не приводит никаких фактов — только либеральные идеологические постулаты, которым он привержен.

Посмотрим, как обстояло дело на самом деле. Коллективизация происходила в экстремальных внешних условиях. Добывающая и продовольственная промышленность особенно зависели от зарубежных рынков, и по ним ударил разрыв с Италией и Германией и особенно морская блокада. Как отмечают испанские авторы, «с сентября 1936 г. возник недостаток хлопка, джута и текстильного сырья в целом, а также бумаги; в октябре прекратились поставки для химической промышленности, с ноября перестало хватать фосфатов для удобрений. В том, что касается энергоносителей, то нехватка угля возникла с октября 1936 г., и он был заменен лигнитом; нехватка тяжелых масел возникла с ноября того же года. Трудности с поставкой бензина появились в октябре 1936 г. и усилились в мае 1937 г., а в середине 1938 г. бензин полностью исчез... Негативно повлияла на

⁵ Там же. С. 216-232.

⁶ Сагамонян, 2016. С. 207.

коллективизированную текстильную отрасль потеря большей части внутреннего рынка, куда до войны поставлялось 75% каталонского производства хлопковых тканей и 79% – шерстяных тканей»⁷.

И в этих тяжелейших условиях, с июля по декабрь 1936 г. производство промышленности Каталонии упало на 29% и стабилизировалось до июня 1937 г.⁸ (когда началось силовое разрушение синдикалистской системы противниками анархистов).

А вот металлургическое производство Республики после коллективизации выросло. Если принять за 100% средний уровень производства металлургии Каталонии в первой половине 1936 г., то в сентябре оно составило 105,1%, в октябре – 118,2%. В ноябре 1936 г. отрасль испытала падение до 76,6%, но в декабре «отыграла» до 134,7%, в январе 1937 г. – до 130,3%. После падения до 92% в феврале снова последовал рост до 106,2%, а в мае рывок до 145,6%. После падения правительства Ф. Ларго Кабальеро и начала свертывания синдикалистских преобразований при Х. Негрине падение стало необратимым. Октябрь 1937 г. – 32,8%, октябрь 1938 г. – 35,6%⁹. Таким образом, в первые месяцы правления Х. Негрина металлургическое производство упало в несколько раз.

Зависимость эффективности производства от наличия самоуправления иллюстрирует динамика добычи угля на синдикализированных рудниках Берге. В августе 1936 г. было добыто 302 т. сырья. В сентябре, после коллективизации (инкаутации) добыча снизилась на две тонны, однако уже в октябре возросла до 334 т., а в декабре 1936 – до 360 т. В январе-феврале 1937 г. добыча падает до 328-335 т. (уровень октября 1936 г.), но в июне-июле восстанавливается. Однако в августе-декабре 1937 г., по мере вытеснения самоуправления государственным контролем, добыча угля падает до 235 т.¹⁰.

⁷ Garrido, 2008. P. 310.

⁸ Fraser, 1988. P. 235.

⁹ Catalan, V. 1. P. 598.

¹⁰ International Institute of Social History (IISH). Paquete 37, B. 1, P. 115.

Таким образом, фактический материал подтверждает, что введение системы производственной демократии обеспечило ту эффективность производства, которая вообще была возможна на испанских предприятиях того времени в условиях войны и частичной экономической блокады. Миф о том, что «анархо-синдикалисты развалили производство» можно считать окончательно опровергнутым. Получив в свои руки фабрики, рабочие и инженеры сделали максимум возможного. Производство, необходимое для нужд войны, смогло превысить довоенные показатели. Борьба против производственной демократии, предпринятая в период правления Негрина, подорвала экономику республики.

Особое значение в условиях войны имело военное производство, особенно если учесть, что до войны современное оружие в Испании почти не производилось. Состояние военной промышленности Испании и особенно Каталонии оказывается в перекрестье множества концептуальных дискуссий. Для представителей самых разных идейных течений важно доказать, что эффективной альтернативы их экономическому идеалу не существует. И коммунисты с их верой в государственное хозяйство, и либералы со священной коровой частной собственности относятся весьма критически к попытке трудящихся организовать самоуправление. Они заранее уверены в том, что анархо-синдикалисты развалили экономику республики, и именно они виноваты в том, что республиканцы не смогли наладить производство собственных боеприпасов в достаточном количестве. Здесь открывается благодатная возможность для того, чтобы найти «крайнего» и за поражение республики, и за подчинение ее воле Сталина – ведь иначе нельзя было получить боеприпасы и технику.

Спору нет – советские поставки были важным фактором, и монополия СССР в деле помощи республиканцам вытекает не только из состояния испанской экономики, но и из блокады, которую установили в отношении Республики либеральные режимы Европы.

Тем не менее, проблема остается: насколько предприятиям, работающим в соответствии с принципом производственной демократии, удалось сделать все возможное для обороны?

Видный испанский историк А. Виньяс, приверженный социал-либеральным взглядам и, применительно к теме Гражданской войны – «адвокат» политики Х. Негрина. Следовательно – противник политики Ф. Ларго Кабальеро, предшественника и во многом антипода Негрина. Сближение Ларго Кабальеро с анархо-синдикалистами также оценивается А. Виньясом весьма критически – ведь они развалили экономику республики и своим экспериментом подорвали военную промышленность. А. Виньяс видит в анархистах главную проблему тыла республики: «В тылу накапливались трудности из-за, прежде всего, безответственного поведения анархистов»¹¹, что сказывалось и на «военной промышленности в Каталонии», развитие которой «постоянно затруднялось из-за анархических и националистических идей»¹².

Сегодня можно сказать, что советские архивные материалы позволяют решить эту проблему. Важный свидетель, которого нельзя заподозрить в стремлении обелить анархистов и скрыть теневые стороны их деятельности – советский консул В. Антонов-Овсеенко¹³. Прибыв в Каталонию, Антонов-Овсеенко стал вникать в дела каталонских предприятий так энергично, что это вызвало даже недовольство министра Женералитата:

¹¹ Vinas, 2006. P. 199.

¹² Viñas, 2007. P. 633.

¹³ А. Виньяс считает советского консула надежным информатором, обличителем анархо-синдикализма: «в документах генерального консула Антонова-Овсеенко постоянно обличаются анархистские демарши и их разрушительная роль в системе управления Каталонии» (Viñas, 2007. P. 172.). Эта неконкретная ссылка на «документы» без указания конкретных дел и листов должна придать дополнительную солидность обвинениям А. Виньяса против анархо-синдикалистов. Но, как видно из материалов, приводимых нами, систематическое изучение документов консула показывает, что у него есть немало свидетельств и в пользу анархистов.

советский консул «отдает приказы даже отдельным заводам»¹⁴. Конечно, Антонов-Овсеенко мог давать не приказы, а советы. Во всяком случае, он внимательно ознакомился с состоянием коллективизированной экономики, консультировался с советскими специалистами, также направленными на предприятия. И главный вопрос, который волновал Антонова-Овсеенко – каким образом добиться максимальной производительности боеприпасов.

Первый диагноз Антонова-Овсеенко в конце октября таков: «Производительность патронных заводов Барселоны 60 тысяч штук в день. Нужны автоматы»¹⁵. Следующее свидетельство в середине ноября: «Производство патронов выросло... до 200 тысяч штук в сутки. Больше нельзя – нет инструментальной стали и инструментов»¹⁶. Таким образом, производственная демократия синдикалистов выжала из имеющегося оборудования все, что возможно. Дальнейшее повышение производительности труда было реально только при условии поставки из СССР автоматического оборудования по производству патронов, инструментальной стали и инструментов. Главный военный советник Я. Берзин рекомендовал поставить в Испанию автоматическую патронную линию производительностью в 2 млн. патронов в

¹⁴ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 62.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 62. А. Виньяс оценивает состояние военной промышленности по докладу советского специалиста Малкина, который осенью 1936 г. посетил восемь фабрик в Каталонии, где налаживали производство гильз (Viñas, 2007. P.189.). Эти фабрики производили около 18000 новых гильз. Малкин был настроен скептически и выдвигал рационализаторские предложения: если восстанавливать уже использованные гильзы, то удастся повысить производство до 80000 гильз в день (то есть бойцы должны были собирать все эти гильзы). «Уровень Малкина» был вскоре превзойден каталонской промышленностью.

сутки¹⁷. На это Сталин не пошел. В этом – ключевая причина невозможности наладить производство достаточного количества боеприпасов в республиканской Испании. Не мог наладить его и Франко, но к нему боеприпасы в изобилии поступали от союзников.

Несмотря на такой «приговор»: повысить производительность труда на таком оборудовании более невозможно – синдикалистская экономика сделала невозможное. 11 декабря 1936 г. Антонов-Овсеенко докладывает: «Производство патронов за месяц выросло втрое, но вдвое меньше потребления Арагонского фронта»¹⁸. В апреле 1937 г. Каталония производила около 300 тысяч патронов¹⁹.

При этом все разумное, что предлагают советские специалисты, НКТ вполне готова принять: «Абад де Сантьян поддержал советские предложения по интенсификации военной промышленности»²⁰.

Советский консул подтверждал, что и по производству снарядов коллективизированные предприятия также достигли пределов объективных возможностей. В марте он докладывал: «Производство снарядов составляет 4000 шт. в день. Нельзя повысить, как требуется, до 20000 шт. из-за объективного недостатка материалов... Последнее обстоятельство объективно проверено и подтверждено»²¹.

Таким образом, советские данные позволяют ответить на вопрос – как сказывались анархистские идеи синдикализации на военном производстве Каталонии? Военное производство в период гегемонии анархо-синдикалистов достигло пределов возможного и даже несколько превзошло их. Это произошло прежде всего за счет энтузиазма и организационных возможностей самоуправления и производственной демократии. Дальнейшее развитие ВПК Испании определялось

¹⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35082. Оп. 1. Д. 275. Л. 21.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 65.

¹⁹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 331. Л. 14.

²⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 62.

²¹ Там же. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 14.

тем, будут ли поставлены из СССР не только оружие и боеприпасы (которые, кстати, почти не доходили до Арагонского фронта), но еще и высокопроизводительное оборудование.

В остальной республике тоже кипела работа, но успехи ее были скромнее, чем в Каталонии. С декабря 1936 г. по апрель 1937 г. производство патронов выросло с 380 до 500 тыс. штук²². Эта цифра, которой пользуются исследователи²³, нуждается в уточнении. В апреле за пределами Каталонии производилось 90 тысяч патронов в Картахене, 30-50 тысяч в Валенсии, и еще 100 тысяч переснаряжались из собранных гильз в Мадриде²⁴. Как видим, результат усилий центрального правительства оказался куда скромнее, чем у каталонцев, производивших около 300 тысяч. Сюда нужно добавить еще более 120 тысяч патронов, производимых на Севере²⁵. Всего получается более 650 тысяч патронов. К тому же в марте 1937 г. Каталония обеспечивала потребности в снарядах на Арагонском фронте и отправляла в центральную Испанию еще 1500 снарядов в день²⁶.

Введение системы производственной демократии обеспечило ту эффективность производства, которая вообще была возможна на испанских предприятиях того времени в условиях войны и частичной экономической блокады. Миф о том, что «анархо-синдикалисты развалили производство» можно считать опровергнутым. Получив в свои руки фабрики, рабочие и инженеры сделали максимум возможного. Производство, необходимое для нужд войны, смогло превзойти довоенные показатели. Однако модель самоуправления и производственной демократии, координируемой профсоюзами и полугосударственными общественными структурами, не устраивала представителей других политических сил. В 1937 г. это привело к резкому обострению политической борьбы в

²² РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 331. Л. 13.

²³ Рыбалкин, 2000. С. 26; Viñas, 2007. P. 191.

²⁴ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 331. Л. 14.

²⁵ Там же. Д. 306. Л. 10-11.

²⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 15.

республиканском лагере. Борьба против производственной демократии, предпринятая в период правления Негрина, способствовала падению экономических показателей по сравнению с временами правительства Ларго Кабальеро.

Также в республике широкое распространение приобрела инициированная анархистами сельская коллективизация. В отличие от СССР, она не была вызвана давлением на крестьянство со стороны государства. В некоторых случаях большинство крестьян принуждало к коллективизации меньшинство, в некоторых единоличное хозяйство сохранялось. Иногда принуждением к коллективизации занимались отряды радикалов-анархистов, но НКТ и лидеры анархо-синдикалистов выступали против этого. Массовую поддержку коллективизации и ее добровольный характер для большинства крестьян подтверждает и тот факт, что после поражения анархо-синдикалистов в столкновении с коммунистами в мае-августе 1937 г., когда возможности применять насилие в отношении противников у анархистов уже не было, массовое движение аграрных коллективов продолжалось и даже расширялось. В целом коллективизация дала хороший эффект и в масштабах всей страны. Положение с продовольствием весной 1937 г. заметно улучшилось, расширились посевные площади, что признавали и противники анархистов. Успехи и неудачи конкретных коллективов зависели от их лидеров, но в целом движение, явочным порядком ликвидировавшее налоговый гнет, латифундизм и мелкое parcelлярное хозяйство, показало свою жизнеспособность²⁷.

С сентября 1936 г. по май 1937 г. правительство республики во главе с Ф. Ларго Кабальеро содействовало глубоким социальным преобразованиям. С ноября в правительстве участвовали анархо-синдикалисты, и таким образом это было правительство не просто Народного фронта, а широкой антифашистской коалиции. Такая ситуация также беспрецедентна для центрального правительства какой-либо

²⁷ Подробнее см. Шубин, 2020. С. 244-264.

страны. Деятельность министров-анархистов в правительстве в основном носила не какой-то специфически анархический, а общедемократический характер, вписывалась в рамки социального государства. Пока НКТ оставалась в правительстве, противники анархо-синдикалистского социально-экономического эксперимента не могли развернуть серьезное наступление против сектора производственной демократии. Как только НКТ покинула правительство, это наступление началось и привело к существенному свертыванию социальной революции. Пребывание НКТ в правительстве было условием сохранения той глубины революции, которая была достигнута осенью 1936 г. После вхождения в правительство Испании синдикалисты проводили здесь относительно плюралистичную экономическую политику, которая поддерживалась Ларго Кабальеро и по существу стала основой социально-экономического курса кабинета в целом. Период правления Ларго Кабальеро стал, таким образом, высшей фазой революции, после которой началась ее нисходящая фаза.

Движение к производственной демократии было прекращено не в результате внутренних процессов, порожденных им, а в итоге силового подавления революции. Факт военного поражения сам по себе еще не дает оснований для вывода о принципиальной нежизнеспособности тех или иных моделей. Известны многие примеры уничтожения военным путем социально-политических структур, которые в условиях другой военно-политической обстановки давали пример высокой эффективности и жизнеспособности. Проблема жизнеспособности синдикалистской альтернативы сводится к вопросу о том, могло ли это общество существовать, сохраняя своеобразие в отношении «капиталистической» и «государственно-коммунистической» моделей.

Вероятно, в те годы идеалы самоуправления и последовательной демократии могли пробиваться на почву реальности только в экстремальных обстоятельствах. Трудно сказать, удалось бы анархистскому самоуправлению сохраниться в условиях спокойной повседневной жизни. Опыт многих стран Запада и «социалистической» Югославии

показывает, что самоуправление и федерализм в условиях индустриально-бюро-кратического общества осуществимы в большей степени по форме, чем по содержанию, но все же улучшают условия жизни людей.

Само появление некапиталистической системы, которая была основана на принципах самоуправления, а не государственного управления, сделало Испанскую революцию одним из ключевых событий мировой истории. Оно показывает, что в словосочетании “социальное государство” ключевым является первое слово. Социальные преобразования, порожденные коллапсом стихийного капитализма, могли проводиться с помощью усиления государства — по-американски, немецки, итальянски и советски. А могли — путем усиления структур саморегулирования общества, таких как профсоюзы, органы территориального самоуправления, демократические общественные движения. Одним словом, по-испански.

Первая битва с фашизмом

Гражданская война и интервенция в Испании стала первым крупным вооруженным конфликтом в Европе, в котором было оказано сопротивление распространению фашизма и союзных ему политических сил. Оказав сопротивление Германии, Италии и их испанским союзникам, республиканская Испания изменила ситуацию в Европе. Испания отвлекала внимание Гитлера от экспансии на восток, создавала напряжение в отношениях консервативного правительства Великобритании и «идеологически близкого» республике «Народного фронта» Франции (который, впрочем, по существу, предал Испанскую республику). Война в Испании дала новые шансы для укрепления позиций Коминтерна в Европе, способствовала сближению Германии и Италии. Политика умиротворения, венцом которой стал «Мюнхенский сговор», сначала была «апробирована» в Испании в виде политики «невмешательства». Но несколько лет война в Испании отвлекала внимание Запада, в том числе и нацизма, в противоположном направлении от границ СССР.

Свидетельство и фактор важного международного значения революции в Испании – участие в войне 1936-1939 гг. добровольцев со всего мира, которые были мотивированы идейно. Подавляющее большинство добровольцев, прибывших не по инициативе своих государств, сражалось в интернациональных бригадах республики. К 27 августа 1938 г. в интербригадах в строю было 15992 бойцов, реально включая больных и раненых – 17-20 тысяч. Всего через интербригады прошло по разным данным 30-42 тыс. (скорее около 40000), из них 9000 французов, 3000 поляков, 3000 итальянцев, по 2000-2500 американцев, немцев, балканцев, по 1000-2000 англичан, бельгийцев, чехов, менее 1000 – граждан прибалтийских государств, австрийцев, скандинавов, голландцев, венгров, швейцарцев, канадцев. Было убито 5000-7000 человек, около 500 попали в плен²⁸.

Во время битвы под Гвадалахарой в марте 1937 г. у замка Ибарра под Бриуэгой столкнулись фашисты из итальянской дивизии «Черное пламя» и интербригадисты-итальянцы из батальона имени Гарibaldi. Эта «гражданская война» итальянцев в Испании лишней раз показала, что здесь идет лишь одна из битв мировой, а не чисто испанской борьбы. Победители в этой борьбе выявились не в 1939, а в 1945 году.

Испания повлияла на ход событий в переломную вторую половину 30-х гг. еще и тем, что стала важнейшим военно-политическим полигоном. Испания предоставила бесценный военно-политический опыт в таких вопросах, как роль авиации и артиллерии в современной войне (меньше проявили себя танки), соотношение фронта и тыла и т.д. Не всегда этот опыт был воспринят, а отчасти – и устарел с началом Второй мировой войны и ее блицкригов. Военные эксперты и СССР, и Франции могли убедиться, что «война моторов» может быть позиционной – как Первая мировая. И это вело к трагическим ошибкам 1940-1941 гг.

Бурная дипломатическая активность вокруг испанской трагедии создает у некоторых авторов впечатление, что «судьба

²⁸ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 490. Л. 2-3.

Испании решалась не в Мадриде»²⁹, то есть не в самой Испании. Именно из этого и исходили «вершители судеб мира» в Лондоне, Париже, Берлине и Риме. Но дипломатические игры три года буксовали, потому что судьба Испании решалась хоть и не только в Мадриде, но в Мадриде – не в меньшей степени, чем за пределами Испании. Потому что если бы республиканцы не остановили франкистов под Мадридом, в европейских кабинетах по «Испанскому вопросу» нечего было бы даже обсуждать. Те авторы, которые убеждают нас, будто «Испанская война выигрывалась и терпела поражение не в Бургосе и Мадриде, не у Теруэля или вдоль Эбро, а в кабинетах Европы»³⁰, пытаются доказать бессмысленность сопротивления воле мироправителей. Получается, не нужно было лить кровь на полях сражений. Достаточно было покорно ждать, что решат в европейских кабинетах. А там уже осенью 1936 г. решили – сопротивление республики бессмысленно, оно мешает умиротворению. Но оно продолжало мешать. И в этом было его глубокое значение.

Сейчас, когда мы знаем дальнейший ход событий, включая позор Мюнхена и капитуляции Франции 1940 г., позиция СССР предстает и как более благородная, и как более разумная. Умиротворение вело к мировой войне и было выгодно прежде всего фашистскому блоку. Но в 1936-1938 гг. у политики умиротворения были шансы на успех (который для цивилизации был бы страшнее провала 1939-1940 гг.), и успех этот заключался в перенаправлении энергии германской агрессии на восток³¹. А Испания, оказав это «досадное» сопротивление фашизму, смешивала карты, направляла внимание Гитлера совсем не туда, «куда следовало» – на запад. Это геополитическое мышление умиротворителей настолько подводило их, что они готовы были поставить Францию в окружение фашистских государств, лишь бы те обратили потом взоры прочь от Пиренеев.

²⁹ Малай, 1999.

³⁰ Puzzo, 1962. P. 195.

³¹ См. Шубин, 2017. С. 183-196, 270-297, 308-311.

Эти обстоятельства позволяют понять, что дорогостоящая военная помощь Советского Союза была проявлением не столько коммунистического экспансионизма, сколько прагматической мудрости. Но возможности СССР были ограничены, особенно после того, как помощь пришлось «делить» между Испанией и Китаем, который стал жертвой агрессии в июле 1937 г. Общий объем «операции X», то есть советских поставок Испании, составил: 701 самолет, 156 453 бомбы, 64 748 320 авиапатронов, 615 запасных моторов. Разнообразна была номенклатура артиллерии и боеприпасов: орудий среднего калибра — 334, крупного — 135. Итого — 469. Снарядов среднего калибра было отправлено 879 849, крупного — 217 142. Итого — 1 096 991 снарядов этих калибров. Еще было отправлено 185 45-миллиметровых противотанковых орудий, 30 45-миллиметровых танковых орудий, 2 095 978 45-миллиметровых снарядов, 30 пушек Маклена, 441 000 37-миллиметровых снарядов, 64 зенитных орудий и 161 909 снарядов к ним. Итого — 778 орудий и 3 795 878 снарядов. Советский Союз поставил Испании 281 танк Т-26 и 50 танков БТ, 60 броневиков, 7019 станковых пулеметов, 12 650 ручных пулеметов (в том числе 2000 чешских), 424 183 винтовки, в том числе 50 000 чешских, 860 188 724 винтовочных патрона, в том числе 60 600 200 чешских, 4 торпедных катера, 16 торпед, 400 глубинных бомб, 54 патронных станка, 19 раций, 25 прожекторов. Стоимость всего имущества, переправленного на 48 пароходах, составила 171 236 083 долларов. Не оплаченными оказались два последних — «Виннипег» и «Бонифацио»³².

³² РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1258. Л. 1–20. Иные данные приводит историк Ю. Е. Рыбалкин: 648 самолетов, 347 танков, 60 бронемашин, 1186 орудий, 340 минометов, 20 486 пулеметов, 497 813 винтовок (Рыбалкин, 2000. С. 44.). Разница, как видим, не принципиальная. Ю.Е. Рыбалкин ссылается на различные источники, включая зарубежную литературу. Подсчеты советских офицеров по отдельным видам вооружений можно считать более точными, потому что они суммировали внутренние данные Генштаба.

В целом, конечно, вмешательство фашистских государств значительно превышало помощь СССР. Прежде всего, Италия и Германия направили в Испанию свои боевые части, а не только советников. Здесь постоянно находилось до 50000 итальянских солдат и до 10000 немецких³³. Через Испанию прошли 150-200 тыс. итальянцев и 50 тыс. немцев³⁴. По советским данным Германия и Италия поставили в Испанию соответственно: 593 и 1000 самолетов, 250 и 950 танков и бронемашин, 700 и 1930 орудий, 6174 и 1426 минометов, 31000 и 3436 пулеметов, 157306 и 240747 винтовок³⁵. Это гораздо больше, чем мог себе позволить СССР.

Трудно согласиться с историком Х. Казановой, в том, что «у республики не было недостатка в деньгах и оружии»³⁶. Франко в этом отношении чувствовал себя гораздо лучше. Он получил от держав Оси в период с июля 1936 года по март 1939 г. помощь в размере 637 миллионов долларов. Внешнеторговые операции дали его режиму еще 76 миллионов долларов. «Экономическая поддержка Франко также исходила от самых богатых людей испанского капитализма, которые предоставили свои состояния в распоряжение мятежных вооруженных сил, чтобы уничтожить «красных». Хуан Марч пожертвовал 15 миллионов фунтов стерлингов, а Альфонсо XIII, который из своего изгнания с самого начала поддерживал мятежников, потому что «ваш первый солдат – я», как заявил он генералам Моле и Франко, пожертвовал 10 миллионов долларов, часть денег, которые ему удалось перевести за границу после падения. «Национальная подписка» также давала военным, добровольно или с принуждением, ювелирные украшения и золотые монеты. Списки некоторых основных благотворителей были опубликованы в прессе, что побудило других сделать это, чтобы их не осудили как «недовольных»», - суммирует Х. Казанова³⁷.

³³ Thomas, 1986. P. 977-978.

³⁴ Рыбалкин, 2000. С. 18.

³⁵ Там же. С. 44.

³⁶ Casanova, 2017. P. 412.

³⁷ Ibid. P. 288.

Испания стала полигоном для проверки в деле военной техники СССР, Германии и Италии. Военные специалисты обеих сторон скрупулезно фиксировали все нюансы действий и технического состояния танков, самолетов и артиллерии, оценивали и передавали в центр информацию о том, как ведут себя отдельные детали – вплоть до винтиков и патрубков, удобно ли летчику и танкисту, каким образом ведет себя техника в разных погодных и климатических условиях. Пристальное внимание уделялось трофейной технике. Испания предоставила уникальную возможность померяться техническими силами с потенциальным противником. Свое превосходство над итальянской техникой показали советские танки и самолеты, обогатился опыт их применения.

Первоначально советские специалисты с удовольствием докладывали: «Воздушные бои неизменно заканчиваются перевесом в нашу сторону»³⁸. Советским летчикам удалось добиться прекращения систематических бомбардировок глубоких тылов республики, включая Картахену и Альбасете. «Хейнкели» и «Фиаты» отстают от И-15 по маневренности и от И-16 – по скорости. Ситуация стала меняться к худшему в 1937 г., когда в воздухе появились «Мессершмитты-109», а союзники Франко стали резко наращивать поставки.

Советские летчики в Испании работали до изнеможения: за 5 месяцев в среднем на каждого приходилось по 250 часов боевой работы. «Без советских пилотов война с началом помощи пошла бы намного хуже для республики, попросту потому, что в битве при Мадриде у нее не было достаточного количества опытных летчиков и мало кто был знаком с новыми самолетами, прибывавшими с Востока»³⁹, - считает историк А. Виньяс.

Потери авиации составляли 400% в год. Роль советских специалистов-авиаторов в 1936-1938 гг. оставалась ключевой. Все решения испанского авиационного командования согласовывались с главным советником авиации Я.

³⁸ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 278. Л. 218.

³⁹ Viñas, 2007. P. 633.

Смушкевичем. «Можно сказать, что Смушкевич, оставаясь формально на положении советника, фактически является руководителем всей авиации»⁴⁰.

Сообщения из Испании оказали существенное влияние не только на техническое развитие авиации, но и на понимание стратегических аспектов ее применения. Так, в докладе майора Гречнева говорилось: «На наших учениях и маневрах тяжелая авиация используется в основном по крупным объектам в глубоком тылу, без взаимодействия с истребительной авиацией, так как радиус действия последней позволяет осуществлять это взаимодействие только в зонах, расположенных недалеко от линии фронта. Опыт войны в Испании показал, что материальная часть, находящаяся на вооружении тяжелой авиации, не позволит осуществить эту задачу»⁴¹.

Гречнев обращает внимание и на такой парадокс: при том, что матчасть лучше у нас, подготовка пилотов лучше у противника. Почему? Наша подготовка засорена лишними предметами, в том числе стрелковыми. Более того: «У нас очень сильно увлекаются физкультурой и часто за счет основных элементов обучения в некоторых частях умудряются даже освобождать от полетной работы летно-технических состав, лишь бы не ударить лицом в грязь при очередных состязаниях по физкультуре»⁴². Увы, избавиться от этого недостатка до 1941 г. не удалось.

По мнению А. Виньяса «советское вооружение было изначально лучшего качества, чем итальянское и немецкое, но державы Оси компенсировали качественное отставание тремя способами: убыстрение поставок, создание ударных сил, таких как «Кондор», и направление военных сил и техники в таком количестве и динамике, при которых был быстро достигнут баланс в пользу Франко»⁴³. Слово «быстро» нуждается в уточнении. Перевес стал решающим только с 1938 г.

⁴⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 360. Л. 12.

⁴¹ Там же. Д. 441. Л. 17.

⁴² Там же. Л. 22.

⁴³ *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil*. 2008. V.1. P. 410-411.

Поддержка СССР уравнивала, хотя бы отчасти, внешний фактор вмешательства фашистских государств. Она, даже если бы оказывалась в больших масштабах, не могла уравновесить всё, если бы сами антифашисты не имели воли к сопротивлению. Откровенно недооценивая внутренние факторы сопротивления, А. Виньяс готов видеть именно в советской помощи объяснение того, что «обреченная» республика устояла осенью 1936 г.: «То, что было ВОЙНОЙ, и длительной, стало возможным благодаря помощи, предоставляемой Советским Союзом республиканскому правительству, когда последнее отступало на всех фронтах, теснимое силами под командованием профессионалов, подпитываемыми наемниками (Иностранный легион и колониальные солдаты, уже имевшиеся или спешно набранные в неисчерпаемых ресурсах Марокко)»⁴⁴. Получается, что под Мадридом несокрушимых африканцев остановили некие советские силы (именно такую картину рисовала франкистская пропаганда). Впрочем, и в начале войны франкисты наступали не на всех фронтах. В Арагоне перевес был не на их стороне. А под Мадридом советская помощь, только начавшая поступать, сама по себе не могла обеспечить спасение столицы.

Полемизируя с правым историком Л. Пио Моа и косвенно с А. Виньясом, С.П. Пожарская справедливо пишет: «ко времени обороны Мадрида поставки военной техники только начинались... Главную роль сыграли, без всякого сомнения, испанские соединения республики». Впрочем, дело не только в ситуации времен битвы за Мадрид, но и в концептуальном преувеличении внешних факторов гражданской войны частью испанских авторов. Из этого вытекают и их идеологизированные интерпретации поражения республики⁴⁵.

Натиск франкистов был уравновешен прежде всего внутриспанским фактором, который называется РЕВОЛЮЦИЯ. У антифашистов по большому счету был не один (внешний), а как минимум два фактора сопротивления

⁴⁴ Viñas, 2009. P. 542.

⁴⁵ Пожарская, 2007. С. 66.

(что доказывает уже оборона Мадрида) – революция и помощь СССР. В сложившихся условиях нельзя было победить, имея только один из них. Поражение вытекало из ослабления не только советской помощи, но и революции.

Причины поражения

После смены правительства и государственно-политического курса республики в мае 1937 г. фактор революции стал ослабевать. С точки зрения сторонников республиканской «партии порядка», при Ларго Кабальеро республика не могла победить, потому что это правительство было слишком уж революционным, а при умеренных и рассудительных Негрине и Прието победа забрезжила на горизонте, но не состоялась. Кто виноват? Ну конечно Сталин, кто же еще. В самый удачный момент после мая (летом) Сталин перекрыл кислород, подчиняясь капризу, перемене настроения: «В свете событий, Негрин и Прието в качестве председателя правительства и министра обороны соответственно, быстро заметили, что ветер с востока больше не дует в том же направлении и с той же силой, что раньше»⁴⁶. Пытаясь переложить на СССР ответственность за неудачи республики Негрина, А. Виньяс пишет, что помощь Сталина «ослабела в течение двенадцати критических месяцев, с ноября 1937 г. по ноябрь 1938 г. В любом случае она не была достаточной для того, чтобы покрыть материальные недостатки Народной армии ни, тем более, быть противовесом постоянных поставок, которые Франко до конца получал от Италии и Третьего Рейха... Когда Негрин принял пост председателя правительства, Республика, говоря технически, уже проиграла войну»⁴⁷.

⁴⁶ Viñas, 2009. P. 407.

⁴⁷ Viñas, 2009. P.545. «В том, что касается Сталина, то мог ли он сделать больше? Без сомнения. Республиканцы просили о дополнительной помощи всех, от Штерна до Малиновского, от Марченко и Майского до Литвинова, от Димитрова и Тольятти до Гере, рассчитывая не на любезные «толчки», но на ходатайства.

Но Негрин пришел к власти не в ноябре 1937 г. С мая по ноябрь 1937 г. – достаточный срок, чтобы продемонстрировать, что республиканцы стали сражаться лучше. А они при Негрине и Прието стали сражаться хуже. И это был результат их политики, а не изменения политики Сталина. После битвы при Брунете и особенно поражения республиканцев при Теруэле в начале 1938 г. в Москве не могло не возникнуть разочарование в способностях правительства Негрина-Прието выиграть войну.

«Критическим» был период не конца 1937 и 1938 годов, а весны-лета 1937 г., когда республиканцы получили возможность перехватить инициативу, когда Франко, сконцентрировав силы на Севере, воевал на два фронта. Вместо того, чтобы сосредоточить усилия на деле победы, на подготовке наступательной операции, коммунисты и социал-либералы увлеченно боролись за власть, а республика теряла время. Летом они провели операцию под Брунете, и стало ясно, что их методы не лучше, а хуже, чем стиль войны Ларго Кабальеро. После июля 1937 г. шанс перехватить инициативу был практически упущен.

Летом 1937 г., «как только советское правительство ослабило помощь, фашистские диктаторы резко увеличили свою. Нет ничего удивительного в том, что республика оказалась в совершеннейшей безвыигрышной ситуации»⁴⁸, – утверждает А. Виньяс. Когда точно уменьшили? На какие операции могли повлиять проблемы с поставками? Во всяком случае, не на бездарно упущенные возможности под Брунете и в Арагоне.

Советская помощь к середине мая 1937 г. составила 333 самолета, 256 танков, 60 броневиков, 236 орудий среднего

Сталин игнорировал их все до Мюнхена» (Р. 532.). Послушать Виньяса, так Сталин должен был разоружить РККА и забыть о Китае, лишь бы спасти республику в Испании, в которой у него, к тому же, по Виньясу почти не было интересов. Впрочем, утверждать, что Сталин вообще игнорировал просьбы о поставках оружия до октября 1938 г. – черная неблагодарность со стороны идейного наследника Негрина.

⁴⁸ *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil*. 2008. V.1. P. 405.

калибра⁴⁹. И поставки продолжались. К июню было поставлено 409 самолетов, из которых в строю было 343⁵⁰. Это не так мало. А. Виньяс оценивает соотношение поставок самолетов советского и итало-германского производства с июля 1937 г. как 239-271 к 740-798⁵¹. Присоединяя поставки первых двух с половиной месяцев правления Негрина к поставкам времени Ларго Кабальеро, А. Виньяс стремится доказать, что при Ларго Кабальеро республика получала значительную помощь, а с приходом Негрина – уже нет. Если 1.10.1936 – 1.8.1937 гг. СССР поставил в Испанию 496 самолетов и 714 орудий, то 14.12.1937 – 11.8.1938 гг. – 152 самолета и 469 орудий⁵². Получается, что в первый период было направлено 49,6 самолета и 71,4 орудия в месяц, а во второй – 19 самолетов и 58,6 орудия. Однако эти арифметические манипуляции А. Виньяса как раз и подрывают его аргументацию: получается, что первые месяцы Негрина относятся к периоду «хороших поставок». Более того, поставленная тогда техника продолжала действовать и оказывать влияние на ход войны в следующие месяцы. Одновременно испанцы стали собирать самолеты по лицензии сами (было собрано 230 самолетов, что значительно улучшает статистику – более чем в два раза)⁵³. Так что считать, что ситуация в середине 1937 г. была заведомо проигрышной, можно только существенно преувеличивая значение внешних факторов по сравнению с внутренними.

⁴⁹ Ibid., P. 371.

⁵⁰ Ibid., P. 375.

⁵¹ Ibid., P. 406.

⁵² Ibid., P. 409.

⁵³ Не случайно, что при этом А. Виньяс предлагает не принимать в расчет самолеты, которые строились в Испании по лицензии: «Во-первых, в этом случае задействовались собственные ресурсы (которые отвлекались от других видов деятельности), хотя был некоторый зарубежный вклад, как, например, двигатели и, возможно, более сложные элементы, которых в Испании не было» (*Economía y economistas españoles en la Guerra Civil*. 2008. V.1. P. 406.). Но самолеты-то были сделаны и приняли участие в боях.

Не будем также забывать, что Франко должен был делить свои силы надвое до падения Севера, а республика концентрировала советскую авиацию в центре. И только с началом войны в Китае и серией разочаровывающих военных неудач Республики летом-осенью 1937 г. советская помощь стала ослабевать, но вовсе не прекратилась.

Нужно также помнить, что динамика поставок зависела и от позиции французских властей. Если Франция не пропускала старые поставки, бессмысленно было осуществлять новые. Именно поэтому пришлось придерживать их осенью 1937 г. – зимой 1938 г. (блокада на границе и подводное пиратство в море), а затем лихорадочно проталкивать в марте – июне 1938 г. Как пишет А. Виньяс: «Недостаточная воля увеличивать поставки, которая вменяется в вину Сталину, не смягчалась препятствиями, которые устанавливали французы»⁵⁴. Это мягко сказано в отношении французов. Сталин давал столько помощи, сколько мог в сложившихся условиях. А вот французы существенно «регулировали» их поступление через границу, что могло оказаться критически важным.

Советские поставки продолжались во второй половине 1937 г., и были относительно регулярными – в среднем по одной в месяц, в марте 1938 г. – три, а в апреле – две⁵⁵.

Утверждение о том, что Сталин «отвернулся» от Испании именно тогда, когда в республике образовался «дееспособный» режим, призвано «объяснить», почему эта «дееспособность» вылилась не в победы (а ведь прежде была Гвадалахара), а в сплошные неудачи. В действительности Сталин дал Негрину и Прието достаточно времени, чтобы проявить себя. Советские поставки могли позволить республиканскому командованию успешнее действовать и в июле 1937 г., и в октябре 1937 г., и в январе-феврале 1938 г., и даже в марте-апреле 1938 г. Но оказалось, что между советскими поставками и ходом военных действий нет прямой связи. В декабре 1937 г. республиканцы действовали успешнее, чем в июле-октябре 1937 г. Причины

⁵⁴ Viñas, 2009. P. 406.

⁵⁵ Ibid., P. 400.

неудач второй половины 1937 г. находились не столько вовне, сколько внутри республики.

В мае 1937 г. на место революционного правительства пришла коалиция, заинтересованная в снижении, а затем и полном погашении накала революции. Это способствовало деморализации как рабочих, прежде вдохновлявшихся обретенными в 1936 г. широкими правами, и сторонников революционных социальных преобразований в целом. В обоих лагерях росла усталость населения от войны, но в республиканском лагере деморализация нарастала быстрее из-за неумения Негрина и его соратников добиться хотя бы одной крупной победы. Характерный пример: падение Барселоны. Жители города в 1936 г. победили путчистов, он был очагом революции, энтузиазма и добровольчества в 1936-1937 гг. Барселона была укреплена и окружена горами. И тем не менее она пала в январе 1939 г. почти без сопротивления. «Бригады молодежи, воздвигавшей баррикады, встречали сопротивление со стороны групп женщин из народа, которые со слезами вырывали у них из рук лопаты и кирки»⁵⁶, – рассказывает Тольятти. Как эта картина отличается от ситуации 1936 г.

Упустив возможность одержать военную победу над франкистами, республика сохраняла только один шанс на выживание – продержаться до начала Второй мировой войны. Такой шанс возник в сентябре 1938 г. в связи с Судетским кризисом, он сохранялся и в 1939 г., так как республика имела пусть и небольшой, но достаточный ресурс сопротивления, чтобы продержаться несколько месяцев в непредсказуемой ситуации предвоенной Европы.

Однако ведущие политические силы республики, включая и премьер-министра Негрина, пришли к выводу о неизбежности поражения и стали искать пути минимизации издержек этой катастрофы. Коммунисты, вовлеченные в глобальную борьбу с фашизмом, были готовы сражаться до последнего солдата. Но и они были вынуждены действовать в фарватере политики Негрина, маневры которого вызывали недоверие у все большей

⁵⁶ Коминтерн и гражданская война в Испании, 2001. С. 441.

части республиканцев, боявшихся остаться за бортом эвакуации. В результате мятеж Касадо получил широкую политическую поддержку – в том числе и со стороны противников безоговорочной капитуляции. Мятеж спровоцировал крах республики тогда, когда до начала Второй мировой войны оставалось пять месяцев⁵⁷.

Падение Испанской республики стало одним из сигналов (хотя уже далеко не важнейшим) для Сталина о необходимости смены внешнеполитической стратегии. Оно стало зримым доказательством краха стратегии Народного фронта и коллективной безопасности, на которую Сталин с таким трудом согласился в 1934-1936 гг. Это способствовало советско-германскому сближению 1939-1940 гг., которое определило конфигурацию начального этапа Второй мировой войны. Эти обстоятельства зависели от хода и исхода событий в Испании.

В итоге гражданской войны Франко определился с позицией нейтралитета, к которой стал склоняться уже в тревожные мюнхенские дни. Хотя бы в этом республика победила – она обескровила франкизм и не дала втянуть Испанию во Вторую мировую войну.

Падение Испанской республики и завершения революции стало источником важных уроков для политиков того времени. Но значение опыта революции не является краткосрочным. Победа франкизма была поражением левых сил в революции, но столь глубокая революция не могла пройти бесследно, и Испания не вернулась к предреволюционному состоянию. Столкнувшись с реальностью социального взрыва, Франко и его соратники принялись строить социальное государство (сначала – по фашистским лекалам). Пройдя революционный рубеж, Испания вступала в эпоху позднего индустриального общества. Альтернатива франкизму была изгнана из страны, но ее идеи и опыт приобрели мировую популярность. После смерти Франко проклинаемая им «антииспания» реинтегрировалась в политическую культуру страны. Борьба идейно-политических наследников тех, кто был антагонистами

⁵⁷ См. Шубин, 2020. С. 510-534.

в период революции, продолжается и в наше время более гуманными средствами. Но с позиций современности важнее мировое наследие революции. Тот барьер, который человечество не смогло взять в Испании в 30-е годы XX века, остается впереди у человечества. Идеи самоуправления становятся все более актуальными в XXI веке, а с ними – и наследие Великой испанской революции.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Casanova J.* República y guerra civil. Historia de España. V. 8. Madrid: Critica, 2017.
- Economía y economistas españoles en la Guerra Civil.* V. 1-2. Barcelona: Real Academia de Ciencias Morales y Políticas, 2008.
- Fraser R.* Blood of Spain. An Oral History of the Spanish Civil War. L.: Penguin Books, 1988.
- Puzzo D.* Spain and Great Powers. 1936-1941. N.Y., L.: Columbia University Press, 1962.
- Thomas H.* The Spanish Civil War. Harmondsworth: Harper Collins, 1986.
- Vinas A.* La Soledad de la Republica. Barcelona: Crítica, 2006.
- Viñas Á.* El escudo de la República. Barcelona: Crítica, 2007.
- Viñas Á.* El honor de la República. Barcelona: Crítica, 2009.
- Коминтерн и гражданская война в Испании. М.: Наука, 2001.
- Komintern i grazhdanskaya vojna v Ispanii. М.: Nauka, 2001.
- Малай В.В.* Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны, 1936-1939. Белгород: Везелица, 1999. Malaj V.V. Sud'ba Respubliki reshallas' ne v Madride: iz istorii anglo-sovetskih otnoshenij v kanun II mirovoj vojny, 1936-1939. Belgorod: Vezelica, 1999.
- Пожарская С.П.* Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. Pozharskaya S.P. Fransisko Franko i ego vremya. М.: OLMA Media Grupp, 2007.
- Рыбалкин Ю.Е.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936-1939). М.: АИРО-XX, 2000.

Rybalkin YU.E. Operaciya «X». Sovetskaya voennaya pomoshch' respublikanskoj Ispanii (1936-1939). M.: AIRO-NKH, 2000.

Сагамонян А.А. А. В. Шубин. Великая испанская революция. М., 2012. // Новая и новейшая история. 2016. № 2.
Sagamonyan A.A. A. V. SHubin. Velikaya ispanskaya revolyuciya. M., 2012. // Novaya i novejšhaya istoriya. 2016. № 2.

Шубин А.В. Великая испанская революция 1931-1939. М.: Академический проект, 2020. SHubin A.V. Velikaya ispanskaya revolyuciya 1931-1939. M.: Akademicheskij proekt, 2020.

Шубин А.В. Мир на пути к войне. М.: Алгоритм, 2017. SHubin A.V. Mir na puti k vojne. M.: Algoritm, 2017.